

ТОТАЛИТАРИЗМ И ТОТАЛИТАРНОЕ СОЗНАНИЕ

11

ВЫПУСК

Март 2013

8. Наименование партии большевиков после революции году менялось несколько раз: до 1918 года это РСДРП(б), в 1918-1925 гг. это РКП(б), в 1925-1952 - ВКП(б). С 1952 - КПСС.
9. ГАО, Ф. П-2, Оп.2, Д. 289а, Л. 7-8. Заверенная копия протокола заседания Бюро Сибирского крайкома ВКП(б) с участием И.В. Сталина в Новосибирске.
10. Позднее было послабление на возможность иметь огороды и минимальное количество личного домашнего скота и птицы.
11. В феврале 1928 года морозы в Западной Сибири достигали минус 40 градусов.
12. Здесь и далее - личные беседы автора с ветеранами в январе-апреле 2013 года в Томске и в Шегарском районе.

Артёмова А.Е.

СУД НАД ЛЮДОВИКОМ XVI В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДА ФРАНЦИИ ОТ ДЕМОКРАТИИ К ПОЛИТИКЕ ТЕРРОРА В 1792-1793 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ СТРОГАНОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ТГУ)

Процесс трансформации установок жирондистского правительства на развитие рыночных отношений и буржуазной государственности во Франции после провозглашения республики в сентябре 1792 года в авторитарное правление якобинцев во главе с Робеспьером, установленное в июне 1793 года, традиционно вызывает интерес отечественных и зарубежных авторов. В отечественной историографии Л. П. Веремчук уделила особое внимание проблеме альтернативных форм государственности во Франции в переходную эпоху от демократии к Террору в монографии «Алексис Токвиль: проблема социальной революции» [1]. Французский историк Патрис Генифе в работе «Политика революционного террора» подробно проанализировал политические, социологические и психологические аспекты якобинской диктатуры времён Французской революции конца XVIII в. [2]

В статье, используя материалы Строгановской библиотеки ТГУ (документы и публицистику времен Великой французской революции), предпринята попытка связать якобинский деспотизм, с политической культурой французов, сочетавшей в себе мощный реформаторский и антилиберальный потенциал, обусловившей переход страны от Революции к Контрреволюции в эпоху Термидора. Начало этому процессу положили дебаты в Национальном Конвенте Франции вокруг судьбы короля Людовика XVI в конце 1792-начале 1793 гг.

Свержение монархии и провозглашение Первой республики во Франции после восстания 10 августа 1792 г. приостановило действие Конституции 1791 г. Дальнейшее развитие Революции потребовало новой логики формирования государственной власти, в рамках которой идея чрезвычайных мер легко нашла себе место. Дебаты о судьбе Людовика XVI не только завершились решением Конвента казнить короля, но и заложили основы для перехода страны от демократии к диктатуре якобинцев, осуществляемой под лозунгами «революционной целесообразности» и необходимости оформления нового «общественного договора».

В ходе дебатов противники казни короля признавали несовершенство «общественного договора», на основе которого была создана Конституция 1791 г. Депутат-жирондист Керсан оправдывал поведение короля, который одобрил Конституцию, уступив натиску революционеров, но утратил при этом своей лояльности к интересам Нации [3. Р. 164]. Лидер монтаньяров Робеспьер, напротив, выступал за казнь Людовика как тирана, нарушившего «общественный договор»: «Как мог он сослаться на общественный договор? Ведь он сам уничтожил его! Нация может, если пожелает, сохранить этот договор, поскольку он касается отношений граждан между собой, но по отношению к тирану он совершенно теряет силу после восстания [10 августа 1792 года]...» [4. Р. 378]

По мере развития судебного процесса депутаты Конвента (в основном жирондисты) проявляли всё большее стремление снять с себя ответственность за возможную казнь короля, поэтому спорили не столько о применении чрезвычайных мер по отношению к нему, сколько старались переложить ответственность за будущий приговор на всех французов. 7 ноября 1792 года, от имени Законодательной комиссии, назначенной для рассмотрения улик, связанных с контрреволюционной деятельностью Людовика XVI, выступил депутат-жирондист Жан-Батист Мель. В своей речи он обобщил аргументы тех депутатов, которые выступали за скорый суд над королём в рамках Национального Конвента (главным образом монтаньяры во главе с Робеспьером) и тех, кто предлагал решить судьбу короля путём референдума. В этой связи Мель поставил ряд вопросов для последующего обсуждения: «Подлежит ли суду Людовик XVI...? Кем он должен быть судим? Предстанет ли он перед обыкновенным трибуналом, как и всякий другой гражданин...? Будет ли он предан трибуналу, образованному из всех 83 департаментов? Не лучше ли его судить всему Национальному Конвенту? Не уместно ли будет передать приговор на утверждение всех граждан Республики?» [5. Р. 732]

Признавая конституционную неприкосновенность короля и то, что Законодательное собрание не может вынести Людовику XVI иного приговора, кроме низложения, Мель так оценил позицию жирондистов: «Король ни в коем случае не подлежал суду ни одной из установленных властей, которые все ему подчинены. Но это вовсе не означает, что он не может быть судим Нацией...» [5. Р. 733] Возражая монтаньярам – сторонникам решения вопроса о казни короля как государственного изменника в рамках Конвента, жирондисты ссылались не только на «общественный договор» (Конституцию 1791 г.), не позволявшую судить короля, но и обратились к идее «национального суверенитета», выражавшуюся в свободном, независимом от каких-либо внешних сил верховенстве народа: «Людовик XVI был королем только на основании Конституции. Нация же самодержавна вне зависимости от Конституции и короля» [5. Р. 729].

Вывод Законодательной комиссии оказался весьма предсказуемым, категоричным и однозначным: «Национальный Конвент всецело и безусловно представляет французскую Республику» [5. Р. 733], следовательно нет необходимости подвергать приговор над королём ратификации всех граждан. Доклад Меля содержал положения, ставшие основой для последующих споров: король виновен и судим; Конвент может судить короля; приговор Национального Конвента нет необходимости выносить на голосование первичных собраний Республики. В них отразились взгляды депутатов на их разные представления об «общественном договоре», «разделение властей», о «национальном суверенитете» и функциях «представительной власти». Большинство депутатов Конвента признавали виновность Людовика XVI как государственного изменника, но далеко не все из них были способны взять на себя ответственность за решение его судьбы. Политическое соперничество между жирондистами и монтаньярами, а также убеждение в том, что Конвент не может в одиночку нести ответственность за результаты суда, стали очевидной причиной острых разногласий между жирондистами и монтаньярами по вопросу о передаче приговора на утверждение департаментов.

Мель в своем докладе отрицал необходимость подвергать приговор над королем ратификации всех граждан, утверждая, что Национальный Конвент является подлинным выразителем интересов французского народа. Кроме того, он считал обсуждение приговора всем населением Французской республики абсолютно нереальным [5. Р. 734]. Напротив, среди сторонников обращения к народу были те, кто считал, что на судебный процесс повлияет очевидный субъективизм депутатов Конвента, и те, кто, противопоставляя Париж всей Франции,

утверждали, что в казнь короля совершится в интересах столичного «кроважного меньшинства», намекая при этом на депутатов «Горы», большинство которых было избрано от секций Парижа [5. Р. 756].

Жирондисты признавали необходимость обращения к Нации, воздавая должное идее «национального суверенитета», но с иных, чем у Меля, позиций. Привлечение всех французов к решению столь важного вопроса могло, по их мнению, способствовать национальному единению и усилило бы авторитет законодательной власти, необходимый для успешного развития рыночных отношений и буржуазной государственности в молодой Республике. При этом они стремились опровергнуть слухи о том, что Национальный Конвент диктует свою волю всей Франции. Монтаньяры, в свою очередь, утверждали, что обращение к народу не только не является необходимым, но оно невыгодно и нецелесообразно, ибо затруднит выявление действительных мотивов тех, кто выступает за ратификацию приговора. Сторонники Робеспьера доказывали, что каким бы ни было беспокойство по поводу «столичного влияния», совершенно недальновидно подвергать решение столь важного вопроса угрозе роялистской пропаганды. Тем более, что сам король, подчёркивали они, не требует апелляции к народу [5. Р. 898].

В целом, в дебатах по вопросу о ратификации приговора в Национальном Конвенте можно выделить две противоположные тенденции. Жирондисты, требуя ратификации приговора первичными собраниями Республики, добивались осуществления идеи «народного суверенитета», которую в своё время выдвинул Руссо. Народ, согласно его учению, единственный, кто способен противостоять монарху. Только Нация имеет право выносить окончательный приговор королю, а Конвент лишь юридически оформляет волю народа [6. Р. 22]. Монтаньяры, напротив, отстаивали идею законодательного представительства, считая Конвент избранным именно для того, чтобы выражать и осуществлять волю суверена, не обращая при этом непосредственно к нему.

На проходившем с 14 по 21 января 1793 года голосовании вину Людовика XVI признали 683 депутата из 715 [6. Р. 25. Р. 1]. По вопросу о ратификации отрицательно ответили 423, утвердительно – 281. Это означало, что жирондисты, 70% которых голосовали за ратификацию, потерпели поражение [6. Р. 26, 15]. В ходе третьего голосования Конвент утвердил смертный приговор простым большинством (361 против 334) [6. Р. 26, 57]. 21 января 1793 года Людовик XVI был казнен. Казнь короля и последующие за ней события, вплоть до антижирондистского восстания 31 мая – 2 июня 1793 года, показали, что аргумент

общественного спасения и «всеобщее» одобрение позволили робеспьеристскому меньшинству постепенно отменить экономические и политические свободы в стране, овладеть государственной властью и удерживать ее без какого-либо разрешения или согласия со стороны французского общества.

Литература

1. Веремчук Л.П. Алексис Токвиль: проблема социальной революции. Усть-Каменогорск, 2011. С. 327-348.
2. Gueniffey, Patrice La politique de la Terreur: Essai sur la violence révolutionnaire 1789-1794. Athème Fayard, 2000.
3. Kersaint, A. G. S. C. de. Seconde opinion sur le jugement de Louis XVI. Paris, 1792.
4. Robespierre M. Opinion ... sur le jugement de Louis XVI. Paris, 1792.
5. Gazette Nationale, ou La Moniteur Universelle, vol. XIV.
6. Liste comparative des cinq appels nominaux... sur le process et le jugement de Louis XVI. Paris, 1793.

Кондратьев А.Г.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПЯТАЯ КОЛОННА ВО ФРАНЦИИ В ПРЕДДВЕРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Термин "пятая колонна" возник во время гражданской войны в Испании. В 1936 г. войска генерата Франко продвигались к Мадриду четырьмя колоннами, одной из которых командовал ближайший сподвижник каудильо генерал Эмилио Мола. Готовясь к решительному штурму столицы, он заявил, что пятая колонна, т.е. те силы, которые проявляли недовольство режимом, находившимся у власти, в нужный момент ударят по республиканцам с тыла. Разделяя политические установки противника пятая колонна оказывает ему военную, политическую, экономическую или моральную поддержку.

К созданию коммунистической пятой колонны во Франции непосредственное отношение имели Коминтерн, СССР, Сталин, Молотов и руководство Французской компартии. В мае 1939 г. Молотов во время встречи с послом Германии графом фон Шуленбургом заявил, что ранее заключенное экономическое соглашение между двумя странами должно закончиться политическим